

Коран в русской культуре: клятвенные зачины в «Подражаниях Корану» Пушкина

Интерес А. С. Пушкина к Корану как факту духовной культуры человечества воплотился в создании цикла «Подражания Корану». Статья не претендует на всесторонний анализ коранических мотивов в творчестве Пушкина, тем более что цикл «Подражания Корану» был рассмотрен исследователями во многих аспектах и имеет обширную литературу. В данной работе автор ограничивает свою задачу рассмотрением корреспонденции коранических клятвенных зачинов с клятвенными мотивами в «Подражаниях».

Отечественный арабист К. С. Кашталева убедительно доказала, что в качестве первоисточника для «Подражаний» Пушкин использовал «самый поэтический из всех переводов своего времени», выполненный М. Вережкиным [1; 259].

В «Подражаниях» выделяются 9 самостоятельных стихотворений, но наше внимание будет сконцентрировано исключительно на первой строфе из 4-х строк, изобилующей клятвенными мотивами:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянусь утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой [2; 312].

Субъектом этих клятв, находясь в соответствии с особенностью Корана, выступает сам Аллах, говорящий о себе в первом лице. Эта черта Корана была знакома Пушкину, который подчеркнул в первом примечании ко всему циклу: «В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором и третьем лице» [2; 318].

Первое четверостишие поэт сопровождал следующим комментарием: «В других местах Корана Алла клянется копытами кобы-

---

* *Асия Ряхимовна Абянова* – к. и. н., кафедра восточных языков Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

лиц, плодами смоковницы, свободой Мекки, добродетелью и пороком, ангелами и человеком и проч. Странные сей риторический оборот встречается в Коране поминутно» [2; 318]. Из этого примечания очевидным образом вытекает неясность частого употребления этого приема в Коране, что, тем не менее, не мешает Пушкину открыть «Подражания» именно с клятв.

В самом Коране мотив клятвы связан с языческими представлениями жителей Аравии. 23 суры¹ из 114 начинаются закланьями различными предметами: планетами и звездами, днем и ночью, небом и горой, писанием и т. д. Известно, что в доисламской Аравии клятвы играли особую роль при скреплении союзов, поддержании межплеменного мира, выполнении принятых обязательств в торговых сделках и пр. В мифологическом сознании вещь и слово тождественны: оперируя словом, человек может воздействовать на сам предмет, тем самым изменяя и мир вокруг.

Анализ текста Корана показывает, что клятвенные зачины, близкие по своему содержанию к языческим клятвам, встречаются чаще всего в самых ранних мекканских сурах. Эти короткие рифмованные откровения наиболее художественны и живописны: призывы поклоняться единому Богу переплетаются с яркими образами природных явлений, в которых раскрывается божественное всемогущество. Например, «Клянусь утром и ночью, когда она густеет!» (93: 1–2); «Клянусь зарею и десятью ночами, и четом и нечетом, и ночью, когда она движется!» (89:1–4); «Клянусь небом и идущим ночью!» (86: 1); «Клянусь звездой, когда она закатывается!» (53: 1) и др.² Вероятно, обилие клятв на этапе самых ранних откровений было призвано придать сакральному тексту экспрессивность, актуализировав, в пока еще языческом сознании арабов, магическую силу слова.

Но вернемся к «Подражаниям». Известно точное указание на место, откуда автор заимствовал первую строку цикла – 89-я сура «Заря». Комментируя употребленное Пушкиным выражение «чета и нечета», К. С. Кашталева предлагала считать эту формулу производной от «чет и нечет» [1; 257]. Пушкиновец Б. В. Томашевский объясняет это так: «Выражение “чета и нечета” не следует понимать как “чет и нечет”, речь идет о сочетаемом и несочетаемом» [3; 21]. Это же толкование закрепилось и в «Словаре языка Пушкина» [4; 911]. Некоторые исследователи усматривают

¹ Сура – часть Корана.

² В этой работе был использован перевод Корана, сделанный И. Ю. Крачковским. Нумерация аятов при ссылках на Коран дается в системе, принятой в арабских изданиях. В переводе И. Ю. Крачковского это цифры, стоящие в скобках. Коран / пер. с арабского И. Ю. Крачковский. – М.: Наука, 1990.

здесь известную пифагорейскую антиномию, определяющую всю природу мира. Отсюда клятва «четой и нечетой» – «это по сути своей клятва всем, что есть в мире» [5; 14].

Следующие клятвенные мотивы: *клянусь утренней звездой, клянусь вечернею молитвой* почти буквально совпадают с соответствующими местами в тексте Веревкина. Параллели «*Клянусь мечом и правой битвой*» у Веревкина обнаружить не удалось, однако эта строка соотносится с главной темой цикла, предвосхищая 6-е «Подражание». Как мы видим, Пушкин достаточно скрупулезно отнесся к переводу Веревкина, практически повторяя детали источника.

Еще одну особенность языка Корана – частое употребление эпитетов – Пушкин отразил в первом четверостишии: *правая битва, утренняя звезда, вечерняя молитва*. В области композиции здесь также наблюдаются характерные для Корана черты: неожиданное вступление и конец, быстрый переход от одной темы к другой, нагромождение нескольких тем в одном отрывке, отсутствие заключения.

Таким образом, при всей «странности сего риторического приема» цикл начинается именно с клятвенных зачинов, так щедро рассыпанных в ранних сурах Корана. Это объясняется, на наш взгляд тем, что особенности передачи поэтической формы Корана были для автора «Подражаний» первостепенны³. Примечания автора к циклу подтверждают эту мысль. В первом примечании ко всему циклу Пушкин считает справедливым мнение «нечестивых», считавших содержание Корана не представляющим особенной ценности, однако тут же указывает, что содержание изложено «сильным и поэтическим образом» [2; 318]. Второе, третье и пятое примечание также отчасти, либо полностью объясняют форму «Подражаний». Например, в пятом примечании «Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!» Пушкин иронизирует по поводу содержания Корана, но восторгается его поэзией [2; 318]. Выбор Пушкиным клятвы в качестве зачина к циклу был продиктован следованием форме Корана, причем в самой «поэтической» части его ранних откровений, где клятва Аллаха, призывающего в свидетели предметы мира видимого и невидимого, один из наиболее ярких и поэтических образов.

---

³ На это также указывала К. С. Кашталева.

Литература

1. Кашталева К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки коллегии востоковедов. – Т. V. – Л., 1930.
2. Пушкин А. С. Полное собр. соч. : в 17 т. – Т. 2 (кн. 1). – М., 1994.
3. Томашевский Б. В. Пушкин. – Кн. 2 : Материалы к монографии (1824–1837). – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – 575 с.
4. Словарь языка Пушкина : в 4 т. – Т. 4. – М., 1961.
5. «Чета и нечета» (Из комментария к «Подражаниям Корану» Пушкина) / Березкина С. В. // Пушкин и время. – Томск, 2010.